

Когда аукцион подошел к концу, Линь Му отправился за кулисы, чтобы оплатить покупки.

Забрав причитающееся, он оставил в аукционном доме щедрое вознаграждение и поручение — разузнать о местонахождении Нефритового персикового цвета. Опасаясь вновь столкнуться с навязчивыми владельцами лавок, юноша поспешно покинул здание и почти бегом вернулся на постоялый двор.

Заперев дверь, он извлек из складок одежды иссиня-черный ларец. Тот оказался неожиданно тяжелым и твердым на ощупь, точно вырезанным из камня.

Едва Линь Му приоткрыл крышку, как из узкой щели вырвалось багровое сияние — густое и насыщенное, подобно последнему всполоху заходящего солнца. Весь номер мгновенно залило ярким светом.

Перо фениксового дерева по форме напоминало колос пшеницы, но в то же время сохранило изящные очертания птичьего махового пера. Его золотисто-алое тело пронизывали тонкие жилки, в которых, подобно расплавленному золоту, медленно перетекала густая субстанция. Ветви и листья артефакта расправлялись прямо на глазах, источая едва выносимый жар.

— Старший, как мне использовать Перо фениксового дерева?

***

Безумцы бывают разными.

Одни лишаются рассудка и памяти, другие бормочут бессвязный вздор. Есть те, кто бросается на окружающих, и те, кто калечит самих себя...

Среди всего этого многообразия Мо Сюнь выбрал для себя определенный образ. Он должен был стать безумцем тихим и безобидным. Тем, кто на первый взгляд кажется нормальным, но стоит ему открыть рот — и любой поймет, что у парня не все дома. С таким проще не связываться, чем вступать в споры.

Сказать — легко, сделать — куда сложнее. Хотя, если вспомнить прошлую жизнь, юноше частенько говорили, что логика у него, мягко говоря, весьма своеобразная.

***

— Ваше Высочество, Ваше Высочество, вы запомнили всё, что я вам говорила?

Услышав о том, что его любимый младший сын упал в воду, император прислал три указа подряд, требуя немедленно доставить Мо Сюня в Зал Возвращения Сердца.

Ян Ло, личная служанка принца, передела его в чистые одежды и теперь с глубокой тревогой в сердце вешала ему на пояс бесценные украшения, чей звон раздавался при каждом движении. Мо Сюнь послушно кивнул.

— Тогда скажите, что именно вы обещали вашей рабыне?

Юноша, вертя в руках подвеску с крупным рубином, весело просиял:

— Если отец спросит, почему я вдруг поглупел, я скажу... я скажу...

На середине фразы он внезапно запнулся. Лишь после долгого «э-э-э...» Мо Сюнь вспомнил план, восторженно захлопал в ладоши и выпалил:

— Скажу, что это Ян Ло меня толкнула! И попрошу отца не наказывать остальных!

Служанка облегченно выдохнула и заботливо поправила его воротник:

— Именно так, Ваше Высочество. Так и говорите.

Проводив паланкин, за которым следовала свита из евнухов и служанок, Ян Ло почувствовала, как улыбка сползает с её лица.

— Сестрица Ян Ло... — глаза её младшей подруги, стоявшей рядом, покраснели от слёз. — Но ведь Его Высочество сам оступился. Зачем же тебе брать вину на себя?

Ян Ло лишь покачала головой.

Любимый сын императора пострадал из-за недосмотра прислуги — если государь узнает правду, жизни лишится каждый в этом дворце. Разве в этом месте кому-то живется легко? Пусть лучше она одна ответит за всех.

«Разве не говорят, что спасение жизни ценнее возведения семиуровневой пагоды? Если моя смерть спасет столько людей, это зачтется мне как великая добродетель»

Придя к этой мысли, Ян Ло молитвенно сложила ладони, обращаясь к небесам:

«О великое небо, о Будда, о милосердная Гуаньинь! Если я и впрямь совершаю благое дело, молю — пусть в следующей жизни мне доведется вкушать лишь изысканные яства, носить

золото и шелка, купаться в роскоши и быть прекрасной, точно небожительница...»

Закончив просить, она вытащила из прически две шпильки, сняла с запястья браслет и передала подруге:

— И помни: когда я умру, гроб должен быть из сандалового дерева.

Оно защищает от насекомых, приятно пахнет — в таком наверняка будет уютно.

***

Разумеется, Мо Сюнь не собирался позволять своей служанке пострадать.

Устроившись в паланкине, он подпер щеку рукой и некоторое время размышлял. Выход был прост: даже если он безумен, он остается любимцем старого императора. Чтобы спасти человека, достаточно будет просто немного покапризничать.

Придя к окончательному решению, юноша отодвинул занавеску и выпрыгнул из паланкина прямо на ходу. Слуги и евнухи в ужасе вскрикнули, поспешно останавливая носилки:

— Ваше Высочество! Ох, Ваше Высочество! Куда же вы? Пойдите!

Мо Сюнь, ловко уворачиваясь от их рук, затеял игру в прятки. Он носился между ними, заливаясь звонким смехом:

— Не поймаете! Не поймаете!

Слуги лишь переглядывались с обреченным видом:

«Опять приступ помешательства...»

На самом деле принц просто укреплял свою легенду. Сделав пару кругов вокруг паланкина и увидев, что прислуга не на шутку перепугалась, он намеренно «споткнулся» и замедлил бег. Тут же один из евнухов подхватил его под руки.

— Живее, живее! Усадите Его Высочество обратно, нельзя медлить — время поджимает!

Евнух оказался неожиданно сильным. Сдавленно кряхтя, он буквально поднял Мо Сюня в воздух, обхватив за пояс, и вознамерился запихнуть его в паланкин. От внезапного чувства невесомости юноша забарахтался, отчаянно вскидывая конечности:

— ...Хелп! Помогите!

В самый разгар кутерьмы раздался мягкий, спокойный голос:

— Третий брат.

***

Заметив гостя, евнухи поспешно опустили Мо Сюня на землю. Если бы кто-то из недоброжелателей увидел эту сцену, слуг могли обвинить в дерзости и непочтении к особе императорской крови. Однако, узнав подошедшего, они облегченно выдохнули. Все как один пали ниц:

— Приветствуем Наследного принца.

Мо Сюнь принялся с любопытством разглядывать его. Перед ним стоял молодой человек лет двадцати семи. Черты его лица неуловимо напоминали черты самого принца. Однако, если чуть опущенные уголки глаз Мо Сюня делали его взгляд манящим, то облику Наследного принца они придавали выражение благородства и мягкости, точно у отшлифованного нефрита. Лицо его, впрочем, было пугающе бледным. Он выглядел болезненным и слабым.

Мо Сюнь в упор смотрел на него, а затем внезапно прижал пальцы к уголкам своих глаз, потянул их вниз и скорчил невообразимую рожу:

— Ты кто такой? Почему ты так на меня похож?

Принц опешил:

— А-Сюнь, я твой старший брат.

***

На самом деле Мо Сюнь с первого взгляда понял, кто перед ним.

Наследный принц — Мо Чэнцзин. В романе «Битва за престол» именно он в итоге взойдет на престол. Но вовсе не благодаря своему уму или коварству. Напротив — из-за своей слабости. Тело его было немощным, характер — податливым, а сам он больше увлекался живописью и каллиграфией, чем политикой. Такого правителя было легко контролировать, поэтому Главный евнух Гу Суйчжи и возвел его на трон.

В финале автор писал:

«Мо Чэнцзин, изможденный и бледный, бессильно сидел на золотом троне. Подле него Гу Суйчжи сверлил его взглядом, холодным, точно у ядовитой змеи. Мо Чэнцзин понимал: отныне он — лишь марионетка в руках евнуха»

Хотя при чтении книги Мо Сюнь был преданным сторонником Гу Суйчжи, в этот момент ему стало искренне жаль Мо Чэнцзина. Отгнав лишние мысли, юноша принялся прыгать вокруг него, точно ребенок:

— Старший брат? Ты мой старший брат? Правда-правда? Как здорово! Я всегда мечтал о старшем брате!

***

Мо Чэнцзин смотрел на юношу, и перед его глазами всё еще стояла недавняя картина. Повернув за угол, он увидел, как слуга держит брата в воздухе, а тот отчаянно сучит ногами, точно котенок, которого взяли за шкурку.

Раньше на лице Мо Сюня всегда играла мрачная, зловещая усмешка, теперь же оно казалось светлым и открытым. В миндалевидных глазах светилась детская радость, а из уст вылетали странные, непонятные звуки. Прежний принц при каждой встрече норовил уколоть его побольнее. «Кислый книжник», «мягкотелый тюфяк», «женственный неуч» — это были самые мягкие из его эпитетов.

Нынешний же Мо Сюнь вел себя как четырехлетний ребенок и смотрел на него с безграничным доверием. Он даже не помнил, кто перед ним.

— Что здесь... произошло? — с тревогой спросил Мо Чэнцзин.

Служанка, вновь пав на колени, ответила:

— Докладываю Наследному принцу... Его Высочество сегодня утром... упал в воду... и ударился головой...

Слушая её, Мо Чэнцзин невольно преисполнился печали. Между ним и Мо Сюнем была разница в десять лет. Когда младший брат родился, Чэнцзин на цыпочках подходил к его колыбели, радуясь появлению этого маленького, похожего на куклу ребенка. Но принц рос в лучах безграничной любви отца и никогда не ценил братских чувств.

Вспоминая все те гадости, что Мо Сюнь наговорил ему за эти годы, Мо Чэнцзин, конечно, испытывал к нему неприязнь. Иногда в его душе даже мелькали темные мысли — он гадал, не стало бы всем лучше, если бы брат просто исчез. Но теперь, когда возмездие настигло его в таком ужасном виде, у Чэнцзина защемило сердце.

Он перехватил запястья юноши, мешая тому задохнуться в рот нефритовую подвеску, дважды кашлянул и спросил у служанки:

— Лекарь уже осматривал его?

— Докладываю Его Высочеству... лекарь Чан сказал...

Сидящий на корточках Мо Сюнь внезапно затрясся от смеха, словно его кто-то пощекотал:

— Что сказал доктор? Доктор!! Кушай яблоко в обед, и болезней в теле нет!

Тревога на лице Мо Чэнцзина стала еще глубже. После долгих колебаний он протянул руку и взял брата за ладонь:

— Мне как раз нужно навестить отца. Третий брат, пойдём со мной.

У Мо Чэнцзина не возникло и тени сомнения — он поверил в безумие брата и теперь лишь горестно вздыхал. Пять раз ему пришлось отвечать на вопрос «Кто ты?», трижды — мешать Мо Сюню подбирать камни с земли, а под конец и вовсе нести его на спине, когда тот внезапно запрыгнул на него. Наконец они достигли Зала Возвращения Сердца.

Евнух у дверей, чей вид выражал крайнее беспокойство, увидев принца, облегченно выдохнул:

— Ваше Высочество, император ждёт вас уже целую вечность! Скорее входите!

Мо Сюнь ослепительно улыбнулся ему. Он был по-настоящему красив, и эта улыбка могла бы сравниться с расцветом тысячи цветов, но евнух лишь испуганно вздрогнул. Он помнил, что последнего человека, которому Его Высочество так улыбнулся, избили до переломов, и теперь бедняга мог передвигаться только на коленях.

Пока евнух обливался холодным потом, Мо Сюнь легко проскользнул мимо него во внутренние покои. Придя в себя, слуга почувствовал неладное. Он оглянулся на уходящего юношу, и странное предчувствие охватило его душу.

***

В Зала Возвращения Сердца стоял тяжелый запах лекарственных трав. Фигура в ярко-желтых одеждах полулежала на широком ложе. Услышав шум, император зашевелился, пытаясь приподняться.

Весь путь Мо Сюнь гадал, как ему вести себя перед старым государем. Тот обожал младшего

сына и готов был бросить к его ногам весь мир. Пока император жив, юноше не грозит смерть. Но срок его жизни — всего год.

Если он будет искать защиты у императора, то через год его ждет та же участь, что и оригинального героя. Поэтому необходимо было немедленно разорвать эту связь. Жаль, конечно, но вспоминая о жестокости и бесчинствах старого правителя, Мо Сюнь быстро подавил в себе это чувство.

С этими мыслями Мо Сюнь бесцеремонно плюхнулся на край ложа. У императора было суровое лицо, омраченное прожитыми годами и болезнями. Прибывшие лекари трудились не покладая рук. Тридцать старцев разделились на группы: одни готовили отвар для императора, внезапно лишившегося чувств; другие осматривали Наследного принца, который зашелся кровавым кашлем; третьи окружили Мо Сюня, засыпая его вопросами о самочувствии.

В покоях царил невообразимый хаос. Спустя добрых полчаса император наконец пришел в себя. Первым делом он потребовал отчета о состоянии младшего сына. Услышав подтверждение того, что его любимец действительно лишился рассудка, император прижал Мо Сюня к груди, и по его лицу потекли горькие слезы.

— А-Сюнь, мой бедный А-Сюнь... Как же ты...

Юноша, уткнувшись в грудь государя, смотрел перед собой отсутствующим взглядом и монотонно бормотал:

— Я твой батя... я твой папаша... это я, твой отец... на самом деле... я твой папаша...

Слезы императора потекли еще обильнее.

***

Прошло около часа, прежде чем в покоях воцарилось подобие порядка. Кашель Мо Чэнцзина утих, а заплаканного императора уложили обратно на подушки. Линь Му же в образе принца продолжал что-то нашептывать себе под нос.

Император устало осведомился о причине болезни. Лекарь, чей голос дрожал от страха, ответил:

— В голову Его Высочества попала вода, к тому же он ударился затылком...

— Я соержу вас только для того, чтобы слушать этот вздор?! — внезапно вспыхнул государь. — Бесплезные ничтожества! Всех до единого — на плаху!

Услышав это, Мо Чэнцзин резко выпрямился:

— Отец... Лекарь Вэй служит во дворце уже более тридцати лет, он искусен и милосерден...

Он не успел договорить. Лицо императора исказилось от гнева. Он ледяным тоном процедил:

— Наследный принц полагает, что Мы неправы?

Мо Чэнцзин застыл. Император поднял руку, и двое слуг тут же бросились помогать ему встать. Государь выхватил висевший у изголовья драгоценный меч и замахнулся на старшего лекаря.

Мо Сюнь опустил взгляд, чувствуя, как внутри всё переворачивается. Видеть жестокость старого правителя воочию было невыносимо. В тот миг, когда лезвие уже готово было пронзить грудь старика-лекаря, юноша внезапно залился оглушительным смехом. Все взоры мгновенно обратились к нему.

Принц хохотал до упаду и в итоге повалился на пол. Украшения на его одежде звенели в такт движениям, а хриплые нотки в его смехе пробуждали в душах присутствующих странную тревогу. Не успели его спросить о причине веселья, как смех сменился горькими рыданиями. Слезы градом покатались из его глаз, окрашивая их уголки алым.

Увидев слезы сына, император мгновенно позабыл о гневe. С громким звоном он отбросил меч и бросился к принцу:

— А-Сюнь, А-Сюнь, что с тобой?

— Я... мне... — Спустя долгое время Мо Сюнь наконец перестал плакать. Шмыгая носом, он проговорил: — Мне страшно.

Он указал пальцем на брошенный меч и повторил тише:

— Мне страшно.

Заметив внимание отца, Мо Сюнь внезапно протянул руку и несильно похлопал императора по щеке:

— Ты и есть мой батя?

Император опешил:

— ...А-Сюнь?..

— Не верю. Не верю! Я такой красивый, а ты такой старый и страшный. Как ты можешь быть моим отцом? У красивцев могут родиться некрасивые дети, но у страшил никогда не родится такой красавец, как я! Разве я не прав?

Мо Сюнь вцепился в плечи императора и принялся трясти его с такой силой, в которой сквозило полное безразличие к жизни старика. Его голос становился всё громче:

— Не пытайся меня обмануть, истина одна! И она в том, что... это я — твой батя!!

Его слова громом разнеслись по залу. Воцарилась мертвая тишина. Слуги и евнухи дрожали так, что их фигуры казались размытыми тенями. Император закатил глаза и рухнул обратно на подушки, лишившись чувств. Мо Чэнцзин внезапно согнулся и выплюнул струю алой крови.

***

Выйдя из Зала Возвращения Сердца, Мо Сюнь мысленно выдохнул. Но на его лице это никак не отразилось — он всё так же с отсутствующим видом крутил рукав Мо Чэнцзина. Не рассчитав силы, он с громким треском оторвал половину ткани.

Застыв на мгновение, принц выдал с восхищением:

— Ого! Старший брат — «отрезанный рукав»!

Мо Чэнцзин:

— ...

Глядя на брата, который с невинным видом ребенка крутил в руках кусок шелка, Наследный принц испытывал странные чувства. Он вспомнил, как перед входом в зал злорадно подумал, что безумие — это справедливая кара для Мо Сюня. Но ведь тот только что спас жизни лекарям.

Поколебавшись, принц сделал несколько шагов на месте и наконец решился:

— А-Сюнь, мы...

Но он не успел договорить — Мо Сюнь уже убежал вперед, совершенно не интересуясь его словами. Мо Чэнцзин невольно усмехнулся и тихо закончил фразу:

— ...Давай забудем всё, что было между нами раньше.

***

Хоть Мо Сюнь и получил титул вана, старый император всё равно оставил его жить во дворце. Когда он вернулся в свои покои, служанка Ян Ло уже всю руководила прислугой: они развешивали медные зеркала и окуривали комнаты полынью. Это была затея императрицы У — прослышав о случившемся, она решила, что на принца напал злой дух.

Мо Сюнь, едва не задохнувшись от едкого дыма, предпочел улизнуть из дворца, прихватив с собой нескольких слуг. Ему хотелось изучить местность, да и просто было любопытно поглядеть на дворцовые пейзажи. Природа и впрямь была великолепна, но в душе юноши проснулась жгучая ненависть к богачам. Каждый раз, видя позолоченный кирпич, он непроизвольно закатывал глаза.

В конце концов веки свело судорогой, и он уселся прямо в клумбу, принимаясь копать в земле. Самое интересное, что он не просто пачкался сам, но и заставил слуг помогать ему — они соревновались, чей грязевой шар окажется больше. Решив, что их господин окончательно лишился ума, слуги принялись вполголоса судачить между собой.

— В таком виде Его Высочество куда милее, чем раньше.

— Тсс, потише ты...

— А чего бояться? Я же хвалю его!

— ...Интересно, будут ли нам теперь платить награды, как прежде?

Внезапно шепот смолк. Слуги в испуге пали ниц за спиной принца:

— Приветствуем Второго принца.

Мо Сюнь не обернулся. Он ждал. Послышались неровные шаги — один тяжелее другого. В нос ударил резкий запах вина. И тут внезапно чья-то рукоять веера ощутимо опустилась ему на макушку. Юноша грязными, перемазанными в земле руками обхватил голову и с недовольным видом обернулся. Перед ним стоял настоящий повеса с хмельным взглядом.

Увидев лицо Мо Сюня, тот рассмеялся:

— Брат слышал, ты превратился в маленького дурачка?

Мо Сюнь уже знал, кто это. Второй принц — Мо Хэмяо. В начале книги о нем говорилось немного: он был хром, любил вино и женщин. Но в финале этот персонаж преподнес читателям настоящий сюрприз — он едва не лишил Гу Суйчжи власти.

Глядя на Мо Хэмяо, юноша первым делом почувствовал фантомную боль в ногах. В оригинале, когда Мо Сюнь умирал, Хэмяо пришел к нему пьяным и откусил кусок плоти от его ноги — мечь за то, что принц когда-то высмеивал его хромоту.

— Ты кто? — спросил Мо Сюнь.

— И впрямь дурак? — Мо Хэмяо приподнял бровь и, припадая на одну ногу, зашел прямо в клумбу. — Не узнаешь второго брата?

Юноша с отсутствующим видом опустил голову, принимаясь тыкать стеблем цветка в муравья. В макушку снова прилетел удар.

— Давай я буду звать тебя «маленьким дурачком», идет?

Мо Сюнь молчал. Рукоять веера коснулась его щеки, бесцеремонно тыча в кожу:

— Почему молчишь? Брат слышал, ты перед отцом был весьма красноречив.

Вспомнив, как принц бормотал императору «Я твой папаша», Мо Хэмяо едва сдерживал смех. Но юноша по-прежнему не издавал ни звука. Веер стал еще навязчивее: он тыкал Мо Сюня в затылок, в поясницу, снова в щеку.

— Маленький А-Сюнь... дурачок...

Доведенный до белого каления, Мо Сюнь резко вскочил и уставился на Мо Хэмяо в гневе. Тот улыбался, но в его глазах промелькнула настороженность. Он отступил на шаг, опираясь на свою увечную правую ногу.

— Что такое?

— Заткнись! Не смей со мной говорить! Я — гриб, я не могу тебе ответить! — Юноша был вне себя от ярости. — Еще раз заговоришь со мной — и я запихну этого муравья тебе в дырку!

Мо Хэмяо застыл.

«Уточнить бы... в какую именно дырку?»

***

В голове Мо Сюня всплыли слова, сказанные Гу Суйчжи:

«Небесное Дао — та еще тварь. Стоит ему подарить тебе шанс, как оно тут же подкинет гору проблем»

— Ну и как тебе? — с усмешкой спросил Гу Суйчжи.

— Старший... — Линь Му смотрел на городские ворота и далекие, окутанные дымкой горные хребты. В душе его поселилась безграничная усталость. — Моя жизнь...

— Словно... иду... по тонкому... льду...

— Я понимаю, — серьезно кивнул Гу Суйчжи.

Линь Му:

— ...

<http://bllate.org/book/15862/1437661>